

Нейгауз, Г.
официальный перевод

СНОВА НЕЙГАУЗ

В СЕНТЯБРЕ 1964 года я видел Генриха Густавовича Нейгауза на «Богеме» — спектакле «Ла Скала». Он выходил из зала Большого театра такой же, как и всегда: очаровательный, с милой, застенчиво-скромной улыбкой — человек покоряющего обаяния, артист в самом высоком смысле этого слова. Пренебрежительно, с капризным неудовольствием пожаловался на боли в ноге... Через две недели его не стало. Умер один из самых замечательных пианистов нашего времени. Мировое признание его было ограничено международной обстановкой 20—30-х годов, на которые пал расцвет его блистательного таланта. Но оно пришло к нему все равно — позже, через всемирную славу учеников, ибо Нейгауз принадлежит к величайшим музыкальным педагогам нашего века. Трудно назвать современного московского пианиста, который не был бы обязан ему косвенно или прямо, будь то Гилельс, Рихтер, Ведерников, Зак, Наседкин, Слободяник, даже Башкиров и Элисо Вирсаладзе, вышедшие не из его класса...

Концерты самого Г. Г. Нейгауза, в котором удивительно сочетались музыкальные традиции — русские, немецкие, польские, всегда составляли праздничное событие. В зале царила романтическая приподнятость. Это романтическое начало господствовало и в исполнении его — блистательном, утвердительном, покоряющем щедростью, вдохновенным талантом, умом, высочайшей культурой. И богатством ассоциаций, которые неизменно вызывала его игра. Что бы ни исполнял он — Бетховена, Листа, Шопена, Скрябина — это было всегда торжество!

Прошло два года с тех пор, как он умер. Не верится. До сих пор. Кажется, что он должен вернуться. Вероятно, кажется потому, что такое явление, как Генрих Нейгауз, непреходяще. И потому, что он продолжает жить в дальнейшем триумфе своей пианистической школы.

И потому, что фамилия Нейгауз не сходит с афиш в Москве и по всей стране, афиш, на которых значится Станислав Нейгауз. Сына. Ученика отца. Талантливейшего пианиста, точно так же не похожего в игре на учителя, как не похожи другие.

И вот 10 октября — во вторую годовщину смерти Г. Г. Нейгауза — на эстраду Большого зала Московской консерватории, на которую так часто выходил Нейгауз Генрих Густавович, вышел сын — Станислав. И сел за тот же рояль. И заиграл вещи, которые так часто играл отец, — Шопена.

И тотчас, кроме Шопена, забылось все. Играл большого масштаба художник. Музыкант благородный и скромный. С особой очевидностью раскрывшийся за последнее время, уже после смерти отца. Словно уход отца налагал на сына моральное обязательство стать еще выше, чем прежде, и продолжить традицию. Да, это та же — отцовская — свобода музыкального мышления. Ассоциативно богатый мир. Щедрость. Душевное бескорыстие. Артистизм. Забота только о музыке. Но характер исполнения иной. В огромном зале Станислав Нейгауз остается словно наедине с инструментом и с музыкой. Словно в зале никого нет. И он играет Шопена как для себя. И как свое, глубоко личное... Эта игра-исповедь не вызывает в памяти облика других пианистов. Не сравниваешь. Потому что это — истинная поэзия. Потому что слышишь, как в первый раз. И думаешь более всего о Шопене, дивясь его интонациям — вопросам, утверждениям, ответам, интонациям, умоляющим, робким, и бурным, и страстным, воспоминаниям о разговорах, от которых зависит судьба, сама музыка, жизнь...

За инструментом сидит задумчивый музыкант — поэт с прекрасным лицом и рано седеющей головой. И кажется, мы узнаем еще не изведенные секреты Шопена, которые раскрыл этому человеку отец.

Иракий Андроников.

«ИЗВЕСТИЯ»
Г. МОСКВА

1 2 ОКТ 1966